

УДК 821.111

Д. А. Маслова,

филологический факультет,

Омский государственный педагогический университет

Научный руководитель: канд. филол. наук, доц. О. А. Гиль

Проблема соотношения интеллектуального и нравственного начала в «Странной истории доктора Джекила и мистера Хайда» Р. Л. Стивенсона

Аннотация. Статья посвящена анализу соотношения интеллектуального и нравственного начал в «Странной истории доктора Джекила и мистера Хайда» Роберта Льюиса Стивенсона. Характеризуется влияние этих начал на главного героя; рассматриваются взаимоотношения двойников, причины конфликта и способ его разрешения. Выявляется преемственность с новеллой «Вильям Вильсон» Э. А. По и романом «Эликсиры сатаны» Э. Т. А. Гофмана. Делаются выводы о трансформации мотива двойничества в повести. Предпринимается попытка интерпретации авторского замысла.

Ключевые слова: двойник, антагонист, двойственность, нравственное начало, интеллектуальное начало, эксперимент, вседозволенность.

Основоположник и теоретик неоромантизма Роберт Льюис Стивенсон говорил и писал о противоречиях и контрастах в душе человека, способных привести к определенной раздвоенности сознания, желанию отделить интеллектуальное начало от нравственного. Возможные последствия реализации этого стремления он представил в повести «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» (Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde, 1886).

Идею изначальной двойственности человека автор вкладывает в уста доктора Генри Джекила, мечтавшего стать первым, кто сможет расселить стороны единой личности в разные тела. Доктор убежден в том, что «человек на самом деле не един, но двоичен» [3, с. 239], а возможно, имеет и больше сторон. Поскольку «нравственная и интеллектуальная» [3, с. 239] части постоянно борлись в душе героя, он задумался об их разделении. Джекил уверен, что именно эта борьба мешает достичь гармонии: «Если бы только... их можно было расселить в отдельные тела, жизнь освободилась бы от всего, что делает ее невыносимой» [3, с. 239]. Здесь Стивенсон, на наш взгляд, развивает поднятую Мэри Шелли еще в начале XIX в. в романе «Франкенштейн, или Современный Прометей» (Frankenstein: or, The Modern Prometheus, 1818) тему гордыни человека, решившего пойти против законов природы и не способного предви-

деть последствия своих экспериментов: «...Вот уже десять с лишним лет, как Генри Джекил занялся нелепыми фантазиями. Он сбился с пути — я говорю о путях разума...» [3, с. 187]

Эксперимент закончился высвобождением темной стороны, которую доктор назвал Эдвардом Хайдом. Так появился двойник. Образ двойника в художественных произведениях, по утверждению Н. Т. Рымаря, выступает как отражение, ведущее «самостоятельную жизнь, — ...получают осуществление, акцентуацию и свободное развертывание стороны его <героя> личности» [2, с. 86]. С. З. Агранович и И. В. Саморукова выделяют и описывают три типа героев-двойников. В данном случае важен первый (двойники-антагонисты), имеющий «ярко выраженную бинарную структуру» [1, с. 12]. Важным и обязательным здесь оказывается наличие неких общих корней, то есть «кровное родство, общее детство, общее тело, сходный социальный статус, возраст» [1, с. 17].

Результаты опыта не подтвердили гипотезу: Джекил, выпив средство, высвобождал свою порочную и беспринципную часть, а после противостояния снова становился собой — человеком, полным противоречий и нерастроченных желаний. Примечательно, что ученый, ослепленный результатом эксперимента, считает Хайда практически совершенным. Чистое зло начинает подчинять волю своего носителя, предоставляя ощущение

безнаказанности и свободы, ранее недоступных. Становится понятно, что герой не просто забывает про главную цель своих поисков — желание помочь человечеству достичь гармонии, но движется в противоположном направлении.

Писатель показывает, что под действием чудесного напитка происходит не полная метаморфоза, а выделение, «сгущение» интеллектуальной стороны. При этом нравственная сторона никуда не переселяется, а остается «витать» над интеллектуальной. Именно поэтому действия двойника часто описываются будто со стороны: «Он шагал торопливо, гонимый тревогой, что-то бормотал про себя... Его остановила какая-то женщина... Он ударил ее по лицу...» [3, с. 254] Так деятельное зло (интеллектуальная сторона) и наблюдающее со стороны добро (нравственная сторона) оказываются подлинными двойниками-антагонистами. Сам доктор с интересом и определенной долей удовольствия наблюдает за действиями Хайда и фиксирует их. Противостояние появляется ближе к концу, когда Джекил теряет контроль над преобразованиями.

Введение двойников помогает Стивенсону показать, какую роль в судьбе человека играют интеллектуальное и нравственное начала, действуя вместе и порознь. Интеллектуальная часть дает человеку полную свободу действий, заставляет замолчать совесть, будучи более деятельной и предприимчивой: «... Мои способности словно обострились, а дух обрел новую гибкость. Вот почему там, где Джекил, вероятно, погиб бы, Хайд нашел выход из положения» [3, с. 253]. Человек становится похожим на автомат, на механизм, совершающий преступление за преступлением ради краткого чувства удовольствия, — безнаказанность опьяняет. При этом нравственная сторона нужна для ограничения свободы: она призвана напоминать о правилах и нормах морали, которым необходимо следовать.

Генри Джекил оказывается пленником интеллектуального начала: он постепенно теряет себя

по мере того, как Хайд позволяет себе всё больше и больше, пока в итоге не погибает от своих же рук. Стивенсон изображает душевное состояние человека, который постепенно осознает, что темная сторона начинает овладевать им, но противостоять ей он, ослепленный ее привлекательностью, уже не может. Неудачный эксперимент доктора Джекила по созданию двойника помогает Стивенсону показать читателю, насколько зыбкими подчас кажутся границы добра и зла, и дать возможность понять, что интеллектуальное и нравственное начала неразделимы: победа чистого интеллекта будет означать омертвление души, а эксперимент приведет к трагедии.

На наш взгляд, на замысел повести во многом повлияло знакомство Стивенсона с творчеством Э. А. По (прежде всего, с новеллой «Вильям Вильсон») и Э. Т. А. Гофмана (в частности, с созданным в традициях «готической прозы» романом «Эликсир сатаны»). У американского романтика Стивенсон заимствует наличие у каждого из двойников собственной воли и голоса (громкого у рассказчика и тихого у его материализованной совести), а также мотив убийства «второго я»: именно безнравственное начало ведет человека к неизбежной гибели после уничтожения нравственного. Гофману Стивенсон обязан мотивом чудесного напитка, атмосферой тайны, а также рассказом очевидца и исповедью главного героя. При этом меняется внутреннее наполнение: герой неоромантика сам становится вершителем своей судьбы, он единственный ответственный за раздвоение, возникающее в результате сознательного эксперимента над своей личностью. Так снимается мистический подтекст и события начинают подкрепляться псевдонаучными фактами, что приводит к подобию реалистичности. Стивенсон развивает и тему людей-автоматов с оппозицией «живое/мертвое», игравшую важную роль в творчестве Гофмана. Для шотландского писателя мертвым оказывается тот, кто забывает о нравственности, целиком доверяя холодному разуму.

1. Агранович С. З., Саморукова И. В. Двойничество. — Самара : Самар. ун-т, 2001. — 132 с.

2. Рымарь Н. Т. Поэтика романа / под ред. С. А. Голубкова. — Куйбышев : Изд-во Сарат. ун-та, Куйбышев. фил., 1990. — 252 с.

3. Стивенсон Р. Л. Странная история доктора Джекила и мистера Хайда. — М. : Эксмо, 2020. — 384 с.